МИЛОРАД

ПАВИЧ

ДРУГОЕ ТЕЛО

Милорад Павич

Другое тело

«РИПОЛ Классик»

2006

УДК 82/89
ББК 84(4С)

Павич М.

Другое тело / М. Павич — «РИПОЛ Классик», 2006

ISBN 978-5-521-00656-4

«Другое тело» – самый загадочный роман знаменитого сербского писателя Милорада Павича (1929–2009). Повествование строится вокруг таинственного каменного перстня, меняющего цвет, и странного изречения, написанного на дне бокала, а действие происходит в Венеции XVIII века и в наши дни.

УДК 82/89
ББК 84(4С)

ISBN 978-5-521-00656-4

© Павич М., 2006
© РИПОЛ Классик, 2006

Содержание

Первая часть 6
1. Три мудрых воды из Эфеса 6
2. Перстень из живого камня 11
3. Заклинание 14
Вторая часть 19
1. Палаццо на канале Чудес 19
2. Мост Сисек 22
3. Приют неизлечимых 28
4. Дьявольские трели 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Милорад Павич
Другое тело

Ясмине Михайлович

© Павић М., 2006
© Савельева Л. А., перевод на русский язык, 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

* * *

Живи медленно, умри быстро
Живи быстро, умри медленно
Надпись на футболке

Писатель, который написал эту книгу, лицо вымышленное, большинство других персонажей реально существовали. Богородичный источник, о котором упоминается на этих страницах, находится рядом с домом Пресвятой Девы Марии в городе Эфесе, на территории Турции. Перстень, фигурирующий в этой истории, тоже существует. Мы видели его у одной нашей знакомой. Его цвет изменяется в зависимости от состояния тела того, кто его носит. В свое время жили два писателя, о которых говорится в романе, – Гавриил Стефанович-Венцлович (ок. 1680–1749?) и Захария Орфелин (1726–1784). Один в Сентандрее, в Венгрии, а второй некоторое время провел в Венеции. Их произведения, на которые ссылается здесь автор, можно прочитать и в наши дни. В Венеции, у тамошнего владельца типографии и издателя Теодосия, Орфелин опубликовал в 1772 году обширнейшее жизнеописание русского царя Петра Великого – прекрасно иллюстрированную книгу, одну из лучших того времени, которая сегодня читается как волнующий роман. Эта книга имелась в библиотеке Александра Пушкина, и он внимательно изучал ее. В Венеции был и знаменитый сиротский приют для неизлечимо больных (Conservatorio degli Incurabili). В описываемое время в этом городе действительно жили и многие другие герои этой книги, в частности музыкантша Забетта или инквизитор XVIII века Кристофоло Кристофоли, но их судьбы затерялись во тьме веков, поэтому здесь автору пришлось сделать попытку их реконструировать.

Первая часть

1. Три мудрых воды из Эфеса

В красивом желтом автобусе (подарок японского правительства), который кружил по белградским улицам, раздался сигнал мобильного телефона. Моцарт. Женщина среднего возраста в черной каракулевой папахе, завитки которой было невозможно отличить от завитков ее волос цвета воронова крыла, принялась торопливо рыться в своей сумочке и карманах. Мобильника нигде не было. Тут телефон зазвонил снова. Снова Моцарт. Звук доносился из кармана парня, который стоял рядом с ней.

– Это мой мобильник, в вашем кармане, – проговорила Лиза Свифт, а это была именно она, с легким иностранным акцентом.

– Да что вы говорите! – откликнулся парень, нисколько не смутившись, и в тот же момент из его кармана снова зазвучал Моцарт.

– Почему же тогда господин не отвечает на звонок, если это его телефон? – все с тем же странным акцентом иронически спросила Лиза у парня.

Тот немного помедлил, словно выжидая. Автобус замедлил ход перед остановкой на Теразие. Когда он остановился, парень достал из кармана дамский мобильный телефон «Nokia» и поднес его к уху:

– Алло! Слушаю!

И тут же выпрыгнул на тротуар, протянув телефон Лизе со словами:

– Это вас. Вас ищет муж!

Лиза вскрикнула на каком-то иностранном языке, в последний момент выскочила из автобуса, выхватила у парня мобильник и крикнула в него обезумевшим голосом: «Алло!» Но связь уже прервалась.

Разумеется, я, ее муж, звонить не мог, потому что я уже сорок дней покоился на белградском кладбище, по адресу: улица Рузвельта, 50.

* * *

По прошествии первых недель траура Элизабет Свифт, моя жена, точнее вдова, заказала заупокойную службу и после нее уехала в село Бабе у подножия Космая, где находился мой родовой дом. Нужно было уладить кое-какие юридические формальности, связанные с моей тамошней собственностью. Она сидела за завтраком в застекленном разноцветными стеклами портике. В ее воспоминаниях всплывали события нашей совместной жизни, и прежде всего те необычные обстоятельства, при которых мы познакомились и поженились.

Дело было так.

Прежде всего следует сказать, что я тогда вступил в тот возраст, когда начинаешь понимать, что каждый год имеет свои плохие дни. В моем случае они роились вокруг дня рождения. Тогда я снова превращался в ребенка, то есть мог на лету хватать свои мысли, как мух. В один из таких дней я открыл электронную почту и обнаружил письмо, из тех, какие обычно посылают женщины, предлагающие эротическую связь. Под стандартным текстом стояла подпись некой Элизабет Свифт, о которой я до тех пор никогда не слышал. Был указан и ее электронный адрес. Госпожа Свифт писала:

Hi!

I think we had correspondence a long time ago, if it was not you, I am sorry. If it was, I could not answer you because my Mozilla mail manager was down for a long time and I could not fix it only with my friend's help, so I got the email's address out for me…

I hope it was whom we were corresponded with you are still interested, as I am, though I realize much time has passed since then.

I really don't know where to start.

Maybe you could tell me a little about yourself since I lost our early letters, your appearance, age, hobbies and are you still in the search?

If it was you I wrote to and you are interested to get to know me better I have a profile at: http://ermo.org.

Don't really know what else to say for now I hope this is the right address. Let me know if you are interested. And I hope you won't run when you see my picture.

Au revoir your devoted reader Elizabeth Imola Swift.

В переводе ее письмо выглядело так:

Привет!

Мне кажется, что довольно давно мы состояли в переписке, а если это был не ты, мне очень жаль. А если это все-таки был ты, имей в виду, что в последний раз я не смогла тебе ответить, потому что мой интернет-браузер сдох и никто из моих друзей не смог вернуть его к жизни. Поэтому у меня больше не было твоего адреса.

Итак, я надеюсь, что ты, тот, с кем я переписывалась, все еще заинтересован в контакте со мной, хотя с тех пор прошло много времени.

Просто не знаю, с чего начать.

Может быть, ты мог бы рассказать мне немного о себе, что с тобой произошло с того момента, как я осталась без твоего адреса, как ты сейчас выглядишь, сколько тебе лет, какое у тебя хобби и нашел ли ты то, что искал, или все еще в поиске?

Если ты – это именно тот, кому я писала, и если тебе интересно познакомиться со мной ближе, моя фотография есть на сайте: http://ermo.org.

Не знаю, что еще написать сейчас, надеюсь, что это твой настоящий адрес. Сообщи мне, если заинтересовался. И надеюсь, ты не сбежишь, увидев мою фотографию.

*Au revoir, Т*воя преданная читательница, Элизабет Имол*а Свифт.*

Письмо я прочел и забыл с улыбкой, которая всегда имеется в арсенале писателя для читательниц. Но Лиза Имола Свифт повела себя не так, как все. Вскоре она появилась в моей жизни лично.

Если вы писатель, то не исключено, что читательница, которой понравилась любовь, описанная в какой-нибудь из ваших историй, или читатель, которому вы всего за несколько сотен динаров позволили на месяц поселиться в вашем романе, надумают прислать вам небольшой подарок. Такие подарки, как правило, отличаются незначительной номинальной стоимостью, но при этом обладают определенным виртуальным значением. Именно поэтому с течением лет в моей собственности оказались самые разные вещи: русский домашний божок из цветного камня, греческие четки, стеклянная сабля, наполненная грузинским коньяком, складная иконка, трубка одного читателя из Франции (которой я никогда не пользовался, потому что чужие трубки не курят), прекрасная коробка гаванских сигар, которые я выкурил с наслаждением, хотя знал, что темнокожие латиноамериканки скручивают их из табачных листьев, катая по своим широченным бедрам.

Через полгода после того, как я прочитал и забыл упомянутое письмо, госпожа Свифт снова дала о себе знать просьбой встретиться, так как у нее есть для меня небольшой подарок. Она как раз была в центре города. Мы сошлись с ней в кофейне «Que passa?» на улице Короля Петра. Лиза Имола Свифт оказалась моложе, чем я ожидал, она была весьма деловита, преуспевала в своей профессии и принадлежала к одной процветающей семье. Ее настоящую

фамилию было не так-то просто выговорить: Амава Арзуага Эулохия Ихар-Свифт. Имола было ее прозвище, а имя – Элизабет. Ее мать происходила из аристократического арагонского рода Ихар, от нее Лиза унаследовала привычку засыпать по вечерам с книгой в руках, а прадед по линии отца был из Англии, где однажды в момент озарения купил в каком-то театре ложу рядом с королевской и заработал потом целое состояние, сдавая ее в аренду каждому, кто хотел, чтобы на спектаклях его видели рядом с венценосными особами. От предков-мужчин Лиза научилась тому, что свою жизнь, свои поступки и взаимоотношения с другими людьми человек может возделывать как вертоград: она насаждала и поливала их, как фруктовый сад, по плану. И прививала…

Узнав все это, я сначала было подумал, что ее интересует моя работа историка. Но нет, она вывалила на стол груду моих романов и потребовала подписать их. За этим она и пришла.

Из Турции, где Лиза время от времени работала на раскопках древних городов, она привезла мне в подарок флакончик. Я в первый момент решил, что он содержит какое-нибудь ароматическое масло. Я открыл его и понюхал. Ничем не пахло. Моя читательница улыбнулась.

– Там вода, – сказала она, – ты должен ее выпить.

Во флаконе действительно была вода, я выпил ее и тут же услышал историю, которая к ней прилагалась и которая стоила того, чтобы ее выслушать.

Эфес, древний античный город на малоазийском побережье Эгейского моря, начала рассказ Элизабет, с давних пор известен как порт, куда грузы веками доставлялись караванами из Азии, чтобы дальше отправить их морскими дорогами. Но этот город издавна знаменит и как культовое место «великих матерей». Сначала здесь находился храм Кибелы, фригийской матери богов и природы. После того как он был разрушен, из его камней воздвигли храм греческой богини Артемиды, которая была вечной девой, защитницей природы и детей. Тут, в Эфесе, завершился и земной путь Богородицы. В Евангелии от Иоанна (19: 25–27) написано: «При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Же́но! Се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».

Так оно и было. После смерти Христа и Его воскресения Его Мать, Дева Мария, и святой апостол Иоанн, который и свидетельствует обо всем этом, направились вместе в Эфес и здесь поселились. И здесь же завершили свою земную жизнь. Позже в Эфесе над фундаментом храма Артемиды и из его развалин была воздвигнута церковь, а затем и базилика, остатки которых сохранились до нашего времени. Потом на этом месте сельджуки построили мечеть, одну из немногих в мире мечетей без минарета. Так что и она стала сакральным сооружением с чисто «женскими» признаками: ведь минарет символизирует мужскую энергию, стремящуюся в небо, а купол – женскую грудь, предлагающую себя звездам и месяцу. Так «великие матери-девы» передавали одна другой свой камень через столетия и тысячелетия.

Однако на этом Лизин рассказ не закончился. Однажды, уже в XIX веке, монахиня из Германии по имени Анна Катарина Эмерих увидела во сне Эфес, город, где она никогда не бывала, и точное место, где под слоем земли находится дом, в котором Богородица провела последние годы земной жизни. Монахиня описала этот сон, и ее рассказ был опубликован, после чего в 1891 году священники-лазаристы на указанном ею месте раскопали здание, которое считается жилищем, где пребывала и преставилась Матерь Божия. В Ее доме есть кухня, а за ней спальня. Из дома бьет ключ с целебной водой. Его называют Богородичный источник. Вообще-то это не один, а три ключа, каждый в своей отдельной нише, красиво облицованной камнем. И каждый с собственной тайной. Дело в том, что один ключ дарит тому, кто из него напьется, *здоровье*, второй *счастье*, а третий *любовь.* Легенда не открывает, какой из ключей приносит счастье, какой дает здоровье, а какой одаряет любовью. При этом попытка попробо-

вать воды понемногу из каждого будет безрезультатной, потому что целебна только та, первая, которая утолит вашу жажду…

Лиза пила из среднего ключа, а из левого взяла немного воды, чтобы подарить мне. Но и на этом ее история не кончалась. Набирая воду, моя читательница заметила записку, засунутую в щель между двумя камнями. В надежде что-то узнать о тайнах источника она взяла ее и прочитала. Бумажка содержала нечто вроде шифрованной записи и несколько цифр:

Sorriso di Kibela: 1266

Несколько разочарованная, Лиза завернула флакон в эту бумажку и продолжила свое путешествие.

Дела привели ее в Мюнхен, где она на несколько дней остановилась в отеле «Кемпински. Четыре времени года». Здесь она решила немного передохнуть и расслабиться. Позавтракала шампанским и клубникой, пообедала в заполненном русскими дамами и любовными парами кафе, где надпись у входа гласила: «Завтрак подаем до 16 часов».

После обеда она отправилась в пинакотеку посмотреть на самые первые счетные машины и собрание стульев, купила в магазине «Долмайер» чайную смесь «Снежный вальс» и поужинала устрицами. Потом сделала еще одну покупку – две чайные чашки для своего будущего замужества. Они были огромные, из какого-то легкого материала и прозрачные. В отель она вернулась усталой, но счастливой, несколько раз проплыла дорожку бассейна на крыше «Кемпински» и спустилась в свой номер. На столе нашла визитную карточку отеля с прогнозом погоды на завтра, на оборотной стороне стояло пожелание приятного сна и предложение: полдюжины видов подушек – ни больше ни меньше, которые гость мог заказать и получить в тот же вечер. Здесь имелись обычные подушки из шерсти, а также антиаллергенные шедевры XXI века, кроме того, были подушки, набитые конским волосом, дополнительные перьевые подушечки, декоративные валики, а также экземпляры, наполненные щетиной кабана. Оказывается, в отеле «Четыре времени года» каждый гость мог для «спокойной ночи» выбрать подушку вместе с содержащимися в ней снами. Можно было получить французский, русский, английский, арабский или греческий сон. Моя будущая знакомая выбрала одну из подушек, набитых щетиной, она любила спать на жестком. То ли из-за подушки, то ли благодаря воспоминаниям о только что завершившемся пребывании в Эфесе, приснилось ей Эгейское море, полное какого-то вчерашнего холодного дождя, потом ей снилось, что она пьет воду из Богородичного источника в Эфесе, ту, которая вытекает с правой стороны. Проснувшись, она подумала, что, может быть, попробовав во сне воду из всех трех ключей, узнает, какая из них приносит счастье, какая любовь, а какая здоровье. Надеясь, что ей снова приснятся эфесские ключи, она на следующий вечер заказала новую подушку, на этот раз набитую волосом из конской гривы. Но ожидаемого не произошло. Источник в Эфесе ей больше не снился ни в ту, ни в следующую ночь, хотя она в третий раз поменяла подушки. Таким образом, ее паломничество в Германию закончилось на тяжелом шерстяном изголовье.

Прежде чем отправиться дальше, Лиза решила заехать в Белград и передать мне подарок – флакончик воды из Эфеса. Она вручила его мне с напоминанием, что ключи чудодейственного Богородичного источника несут не только добро, но и послание.

Великая мать Природа через воду открывает нам одну из своих тайн. Вода вечна и мудра, закончила Лиза свой рассказ, она предлагает нам истину, которую мы принимаем с трудом, как и всякую мудрость: «Наше счастье не обязательно связано с нашим здоровьем или с любовью».

Вот так все началось. Мы посмеялись над письмом, которое она заслала мне через интернет, и не прошло и полгода, как мы счастливо обвенчались. Хотя мне иногда казалось, что она больше влюблена не в меня, а в мои книги.

В наш первый совместный вечер она напела мне свою любимую песню: «Let's Go Straight To Number One…»[1], поцеловала меня в шею и спросила:

– Ты умеешь читать поцелуи? Поцелуи похожи на любовные письма. Их можно прочесть, а можно выбросить непрочитанными. Поцелуй может означать – «здравствуй»! Или «спокойной ночи», или «прощай», или «доброе утро»! Он может означать «до свидания», может нести предательство и смерть или болезнь, сказать «добро пожаловать», «вспоминай меня» или «счастливого пути»! Поцелуй – это залог счастья, воспоминание, ложь, обещание или долг под проценты. Он вестник радости или беды. Через поцелуй одно наше тело переходит в наше другое тело…

Тогда я ответил, что прочитал ее письмо на моей шее, хотя оно написано по-английски, и отвел ее в постель…

[1] «Давай перейдем сразу к первому пункту…» (*англ.*). (Песня британской группы «Touch and Go».)

2. Перстень из живого камня

В Париже есть площадь, которая считается местом самых знаменитых ювелирных магазинов Европы. В центре Вандомской площади стоит памятник, история которого столь запутана, что ее почти невозможно запомнить. На ее изломах я насчитал не менее двух десятков различных дат, которые меняли и внешний вид, и судьбу памятника. Вокруг него ожерельем располагаются известные на весь мир магазины, торгующие драгоценностями. Их миниатюрные витрины напоминают бархатные футляры для украшений, в которых днем и вечером сверкают самые дорогие на континенте предметы роскоши, по ночам исчезающие за стальными ставнями и надежными замками.

Если пересечь площадь, двигаясь со стороны Сены, слева от угла увидишь магазин, принадлежащий торговому дому «Cartier». Сначала нужно позвонить в дверь, потом подождать, после чего появится безукоризненно одетый молодой человек, который спросит, что именно вас интересует. Однажды в июньский день в магазин зашла пара туристов. Дама на своем англо-французском языке в дверях сообщила молодому человеку, что хотела бы видеть перстни. Хотя на первом этаже было несколько небольших витрин с ожерельями, браслетами и кольцами, молодой человек не дал покупателям возможности рассмотреть украшения. Он еще у входа окинул их молниеносным взглядом, оценил и провел дальше, на второй этаж, чтобы передать в руки специалистов более высокого ранга. Дама была в черной шелковой шляпе, легчайшей шубке «Alberta Feretti» и туфлях «Salvatore Ferragamo». На этом фоне великолепно смотрелись ее ногти, покрытые ярко-красным лаком оттенка «Ferrari», и губы того же цвета. На шее у нее мерцали жемчужные бусы в четыре ряда. Сопровождавший ее господин был с непокрытой головой, в пальто от «Fendi». Под подбородком у него вместо галстука или шейного платка виднелась булавка, которую молодому человеку, несмотря на глубокие знания в этой области, оценить не удалось. Он не смог определить ни ее стоимость, ни происхождение. Пока все трое поднимались по винтовой лестнице, молодой человек незаметно дал понять тем, кто находился наверху, что идет с посетителями, и этим его функции были исчерпаны.

Так мы, моя супруга Лиза Свифт и я, отправились на поиски каменного перстня, который позже стал знаком не только нашей дальнейшей жизни, но и смерти.

Верхнее помещение оказалось весьма просторным, с закругленными наверху окнами в глядящих на площадь нишах. В каждой нише располагались столик и два кресла для покупателей, поставленные так, чтобы перед ними открывался вид на Вандомскую площадь. Нам предложили сесть и немного подождать. Мадемуазель Анат Асис, эксперт ювелирного магазина «Cartier», вот-вот освободится и полностью посвятит себя нам. Мы уселись в кресла и, вместо того чтобы рассматривать выставленные в зале драгоценности, принялись глазеть на площадь. Похоже, любопытство здесь было не принято. В соседней нише находились двое мужчин. Они тихо разговаривали через стол. Старший из них все время подергивал под столом ногой, словно что-то записывая. Видимо, под его внешним спокойствием скрывалось невероятное напряжение.

Тут Лиза решительно пошла в атаку. Без малейших колебаний она заявила, что здесь и сейчас состоится не мужской, а женский разговор. Это означало, что я доверю ей объяснять причину нашего визита на ее «françanglais», хотя мой французский был безукоризненным. В сущности, в Париже я чаще всего служил Лизе ходячим словарем французского языка.

– У тебя вечный избыток слов. Ты говоришь фразами. Сегодня фразы никому не нужны. Достаточно нескольких слов с паузами между ними для заполнения смыслом. Как эсэмэс. На дворе двадцать первый век, нужно идти напрямую, и у меня это получается лучше, чем у тебя. Кроме того, как мы слышали, по другую сторону стола будет сидеть тоже женщина, и я легче, чем ты, найду с ней общий язык.

В этот момент появилась мадемуазель, полная дама зрелого среднего возраста, темноволосая, с выразительными бровями и глазами, которые чаще, чем наши, видели пирамиды. У нее было полное тело вилендорфской Венеры и дивная голова другой Венеры, Милосской. Она села на стул напротив нас и сложила руки, украшенные двумя неброскими браслетами.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она и улыбнулась в первый и последний раз за все время нашего разговора. Ее улыбка была по крайней мере лет на десять младше, чем она сама, и казалась взятой напрокат. Судя по всему, улыбки здесь стоили столь же дорого, как и драгоценности.

– Перстень! – выпалила Лиза и кивнула в мою сторону.

– Простите, – шепнула Лизе мадемуазель Анат. – Месье снимает перстень, когда вы занимаетесь любовью?

– Да.

– Тогда это несложно. – Мадемуазель Анат сделала широкое движение рукой и добавила: – Выберите ему любой! Дома каждый из них покажется вам в десять раз красивее и дороже, чем здесь!

– Но я уже выбрала!

– ?

– Я видела такой у одной нашей знакомой. Она сказала, что он куплен у «Cartier», поэтому мы пришли узнать, можно ли у вас купить такой же. Он сделан из камня, а по краям узкий золотой ободок.

– Вы говорите, куплен у нас? Опишите, пожалуйста, поподробнее.

– Это биоактивный перстень. Такие перстни называются «биоринг», и говорят, что они сделаны из «живого камня», уж не знаю, что под этим подразумевается.

– Биоактивный? Не могли бы вы повторить это по-английски?

Тут дамы перешли на английский, на котором мадемуазель Анат говорила так же хорошо, как и на французском, и с такой же необычной отстраненностью, как бы держа его на некотором расстоянии от себя, словно горячую сковороду.

– Это означает, что перстень может менять свой цвет, – сказала Лиза. – Вы можете нам предложить что-то такое?

– Говорите, может менять свой цвет? А за счет чего?

– Очень просто. В зависимости от биоэнергии, которую излучает человеческий организм, перстень показывает состояние вашего тела и ваше настроение.

– Думаю, вы имеете в виду перстни, которые были в продаже в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, они называются «mood» и сделаны из жидкого хрусталя.

– Нет. Это кольцо из камня, которое отражает действие ультракоротких волн, излучаемых нашим организмом.

– И это действительно функционирует?

– В совершенстве. Мы его испытали. Хотя он часто преподносит сюрпризы. Если перстень на вашей руке покраснеет, это означает, что вы счастливы. Если посинеет – влюблены. А когда позеленеет – здоровы.

– То есть – эти три цвета?

– Нет. Есть и четвертый. Если перстень становится черным, это значит, что он не показывает ничего. Выключился, не принимает сигналов. Так было с моим мужем. Сколько бы раз он ни надевал его на руку, перстень тут же чернел и ничего не показывал. Точно так же, как и с духами. На теле моего мужа они теряют запах.

– Простите? – переспросила мадемуазель Анат, не уверенная в том, что правильно поняла последнее замечание моей жены, и добавила: – Не понимаю. Вы сказали, что хотите купить такой перстень своему мужу, но при этом утверждаете, что перстень не реагирует на его организм.

– Что же тут удивительного, дорогая мадемуазель? Мы пытаемся найти точно такой же перстень, который будет реагировать.

– Весьма, весьма любопытно, мадам… К сожалению, мне кажется, что у нас такого предмета нет, однако я попросила бы вас подождать совсем немного, пока я схожу кое-что уточнить.

Тут мадемуазель Анат встала и удалилась.

– Невероятно, – прошептала Лиза, пока мы сидели одни. – Судя по всему, мы пришли сюда напрасно. Кто-то ошибся, когда сказал нам, что их делает «Cartier».

Мадемуазель Анат вернулась с новыми вопросами.

– Я могу вам дать окончательный ответ – мы не делаем и никогда не делали подобных перстней. Но, мадам, прошу вас, не могли бы вы уточнить, где именно ваша знакомая купила такой перстень? Я была бы вам весьма признательна. Не могли бы вы ей позвонить? Можете свободно воспользоваться нашими средствами связи, мы к вашим услугам!

Лиза достала из сумочки свой мобильник «Nokia» и набрала сообщение. Несколько минут спустя послышался сигнал, Лиза прочитала ответ и пересказала его нам:

– Моей знакомой его привезли в подарок из Германии.

Этой фразой и закончилась наша встреча. Мадемуазель Анат проводила нас до дверей, повторив, что будет нам чрезвычайно благодарна за дополнительные сведения о «каменном перстне», и мы отправились в находившийся неподалеку отель «Ритц», где на открытой террасе можно заказать кофе из зерен пяти разных сортов. Лиза потребовала себе кофе, выращенный в Индии, я выбрал тот, что привезен из Южной Америки, и остаток дня мы провели, фотографируя мобильным телефоном сад одного из самых знаменитых в мире отелей.

Запивая кофе водой «Перье», Лиза еще здесь, на террасе отеля, продемонстрировала, что неудачи не способны ее остановить. Она снова связалась с той знакомой, чей перстень мы видели, и потребовала адрес того, кто ей его подарил.

Месяц спустя на моем пальце появился каменный перстень. Лиза связалась с лицом из Германии, чей адрес она все-таки получила. Оказалось, что это женщина, что она действительно однажды приобрела тот перстень и что в свое время в университете слушала мои лекции. Теперь она прислала нам с Лизой в подарок второй перстень, такой же, какой мы уже видели и безуспешно пытались разыскать в Париже. Он прибыл к нам в крохотном белом мешочке из рисового полотна. К перстню было приложено и руководство с информацией о том, что какой цвет означает. Все то же самое, что мы уже знали и опробовали. Лиза с большим волнением сама надела перстень на мой палец, но результатом было полнейшее разочарование. И этот перстень остался на моем пальце черным. Он не менял цвет и ничего не показывал.

Вот что было написано в руководстве о пользовании каменным перстнем на случай, если он почернеет: «Черный цвет – ничего…»

3. Заклинание

Я хорошо помню тот сентябрь на одеяле в перелеске.

Стоит осень, и у лесов месячные. Невидимые мысли летят глубоко во мне подобно облакам, несущимся над водой через непрозрачную ночь. Я сижу на своей тени, как Робинзон на пустом острове. Сижу я на одеяле посреди луга неподалеку от села Бабе у подножия горы Космай. У меня за спиной, на склоне, находится старый, 1943 года, немецкий бункер. Он оброс кустами и невысокими сосенками. Рядом со мной сидят моя жена Лиза Свифт и мой школьный товарищ Теодор Илич Чешляр. Смешно, но его действительно зовут так же, как одного художника XVIII века. Теодор смотрит на Лизу тем мужским взглядом, который ей так хорошо знаком и который она однажды очень точно мне описала. Это что-то среднее между взглядом на пациентку врача-гинеколога и специалиста, оценивающего породистую кобылу.

Когда я в школе познакомился с Теодором, его отцу принадлежала кузница в селе Бабе. Сын кузнеца, Теодор и сам был крепок, как наковальня, и в зависимости от способа, каким заработаны деньги, делил их на «женские» (от продажи птицы, молока, сыра, яиц, овощей) и «мужские» (полученные за счет лошадей, зерна, винограда, свиней и рыбы). Сам он жил ни на те, ни на другие. Говорили, что, пережив несчастную любовь, он уехал к своей тетке в Италию, потом дал знать о себе из Парижа и, наконец, вернулся домой, в село Бабе, где некоторое время занимался кузнечным делом, унаследованным от отца и деда. Мы не виделись с ним целых десять лет и вот сейчас сидели рядом. Я только что познакомил его со своей женой. Из-за того, что у нас так долго не было возможности поговорить друг с другом, ее присутствие нас совершенно не смущало. Ход нашего разговора постоянно приводил ее в недоумение. К тому же она с трудом понимала горячий диалог на языке, который только недавно начала учить.

Сначала я спросил Теодора, как он зарабатывает себе на жизнь, ведь его кузница давно закрыта. Он ответил, что занимается торговлей.

– Чем торгуешь?

– Продаю стихи.

– Ты поэт?

– Да ты что!

– А, значит, издаешь поэтов?

– Опять не угадал. Я торгую устной поэзией.

– Что ты имеешь в виду? Ты поешь стихи под гусли?

– Что значит – петь под гусли? – изумилась Лиза.

– Это трудно объяснить, – ответил я.

Что же касается Теодора, то он нам объяснение дал:

– Одна моя дальняя родственница из Италии оставила мне в наследство несколько стихов, которые сама получила по наследству бог знает от кого.

– Неужели на несколько стихов можно жить?

– Можно, потому что каждый из них на вес золота. В итальянских семьях отцы на смертном одре каждому из сыновей оставляли в наследство по кусочку такого стиха (словно это Библия), а дочерям давали в приданое целый стих.

– Что же это за стихи, которые на вес золота? – включилась в дискуссию и Лиза. – Неопубликованные белые стихи Шекспира?

– Вовсе нет. Эти стихи намного, намного старее. Их передают из уст в уста как народную поэзию.

– А на каком они языке? – спросил я.

– Этого я не знаю. Кроме того, должен признаться, я их вообще не понимаю. Язык всегда старше стихов.

– Подождите, подождите, – перебила нас Лиза. – Я ничего не понимаю из того, что вы рассказываете. Говорите помедленнее.

Хотя мы перешли на английский, я тоже ничего не понимал и спросил:

– Какой прок в стихах, которых не понимаешь?

– Но я и по-английски не понимаю, о чем вы говорите, – снова вмешалась Лиза. – Значит ли это, Теодор, что потенциальный покупатель, допустим я, тоже не понял бы их?

– И зачем покупать стихи, которые не понимаешь? – добавил и я, обращаясь к Теодору.

– Понимать и не надо. Важно, чтобы поняла жена купившего. Например, присутствующая здесь Лиза. Стихи, о которых я говорю, обладают вполне конкретной прикладной ценностью. И между прочим, ночью их ценность гораздо выше, чем днем. Если заплатишь, могу и тебе уступить какой-нибудь из них.

– На что он мне?

– Такое любому мужчине нужно. Да и женщине может пригодиться.

– Для чего же это? – заинтересовалась Лиза.

– Пока произносишь этот стих, язык делает такие движения, что при оральном сношении с женщиной вызывает у нее оргазм.

– Постой, постой, – разволновалась Лиза. – Что это он говорит?

– А может ли и женщина удовлетворить мужчину таким способом? – Я наконец-то вник в суть дела.

– Может, это я уже говорил, но сам не пробовал.

– Но женщины у тебя этот стих покупали? – спросила Лиза.

– Покупали, но реже, чем мужчины.

– И сколько ты с них берешь? – спросил я.

– Немного дешевле, как и в случае с тобой, если захочешь.

– Несмотря на то, что я не женщина?

– Не женщина, но зато мой школьный товарищ. И у тебя есть жена.

При этих словах Лиза обняла меня и шепнула мне в ухо:

– Купи мне, ну пожалуйста, купи мне!

– И во что бы мне это обошлось, если со скидкой?

– Обошлось бы в пару тысяч евриков.

– Две тысячи евро за один стих?

– Это вообще недорого, с учетом их действия. И имей в виду, это, как я сказал, специальная цена, только для тебя. Другим – дороже. Ну, по рукам?

– Спасибо, нет. Ты как мой школьный товарищ мог бы мне это чудо уступить и бесплатно. Шепни на ухо – и готово!

– Не может быть и речи, даже не мечтай.

– Признавайся, это розыгрыш.

– Разумеется, розыгрыш. На самом деле все гораздо эффективнее. Если женщина шепнет тебе это заклинание в момент поцелуя, это значит, что она хочет иметь от тебя ребенка и что она его обязательно зачнет. Это заклинание называется «Улыбка Кибелы», а ты – хочешь верь, хочешь не верь.

– Купи! Купи мне «Улыбку Кибелы»! – опять ворвалась в наш разговор Лиза Свифт, но я отвечал на ее мольбы молчанием.

Тут Теодор резко сменил тему.

– А чем ты сейчас занимаешься? По-прежнему пишешь романы? – спросил он меня.

– Разумеется, пишу романы, и ты это прекрасно знаешь.

– Я должен тебе кое-что сказать. Раньше твои книги были лучше.

– Пусть это тебя не волнует. Нечто подобное говорили и Байрону.

– Что говорили Байрону? – пожелала узнать Лиза.

– Венецианцы уже столетиями говорят о своем городе, что раньше он был лучше. В начале девятнадцатого века кто-то из них сказал это Байрону. А он ответил: пусть вас это не волнует, сейчас Венеция прекрасна по-новому.

– В твоих книгах я ничего не понимаю.

– А зачем там что-то понимать? Мои книги как шведский стол. Берешь что хочешь и сколько хочешь, с какой стороны стола ни начнешь. Я предложил тебе свободу выбора, а ты растерялся и от изобилия, и от свободы, как буриданов осел, который издох между двумя охапками сена, оттого что не мог решить, с какой начать.

– Я имею в виду не только тебя. Я говорю о профессии писателя вообще. Сегодня ты и такие, как ты, не нужны. Ты динозавр. Максимум, чего ты в настоящий момент можешь достичь в литературе, это написать роман, который будет похож на пересказ эпизодов реалити-шоу. То, что в восемнадцатом и девятнадцатом веке было любовным романом, сейчас превратилось в передачи на порноканалах, где можно узнать, что находится внизу, под одеждой, когда из всей одежды на мужчине только женщина. Зачем мучиться над книгой, если всё предлагают увидеть живьем? Кроме того, сейчас в моде бездари. И писатели больше не используют свой литературный дар, когда пишут, поэтому нельзя установить, есть он или нет. Это вам, несомненно, удобно, но читателям не нравится, поэтому они вас и бросают. И тебя, и всю вашу писательскую братию…

– Что касается меня, то я люблю книгу, которую можно взять с собой в кровать или на отдых, люблю получить в романе полупансион продолжительностью в пятнадцать дней по умеренной цене, – включилась в обсуждение литературы Лиза Свифт.

Тут я встал, решив, что пора собираться, тем более что от сидения на пледе под деревом у меня разболелись ноги. Прощаясь, я еще раз обратился к Теодору:

– Что касается твоих заклинаний, то должен сказать тебе, что они гроша ломаного не стоят, если их не скомбинировать кое с чем еще.

– С чем? – спросила Лиза, в то время как Теодор загадочно молчал.

– В Турции считается, что такие заклинания нужно сочетать с мудрой водой, только тогда можно добиться полноты действия.

– Той самой водой, которую я привезла тебе в подарок? – удивилась Лиза.

– Вот именно. Но это еще не все. История о мудрой воде и твоем волшебном стихе, дорогой мой Теодор, начинается много веков назад…

При этих словах Теодор резко встал, чрезвычайно учтиво распрощался с нами и удалился, унося свою тайну и свое одеяло…

* * *

Когда мы остались вдвоем, Лиза отвела меня в ближайшую корчму, усадила за столик на террасе, взяла за обе руки и, заказав кофе, решительно потребовала:

– Выкладывай. Немедленно выкладывай все, что знаешь и о чем умолчал.

– О чем это я умолчал?

– Ты мне ничего не рассказал, а знаешь все. Ты знаешь даже, после скольких шагов человек остается один… Почему перстень не реагирует на тебя? Только на тебя?

– Не знаю. Но у меня есть два предположения.

– Put the case! – отрезала Лиза. – Предполагай!

– Как-то раз, когда я был в Африке, нас повезли на экскурсию в селение к берберам, и там всем нам гадала колдунья с живой змеей на шее. Когда пришел мой черед, она посмотрела на мою ладонь, заглянула в ухо и бросилась в бегство.

– Что это значит?

– Видимо, моя и ее энергии взаимно уничтожаются. Не знаю…

– Ты хочешь сказать, что твоя энергия и энергия перстня тоже взаимно уничтожаются?

– Может быть.

– Неужели ты считаешь, что перстень боится тебя, так же как и та колдунья из Африки? Смешно.

– Дело не в перстне, а во мне. Это я мешаю энергии перелиться из меня в перстень.

– Зачем же ты это делаешь?

– Я это делаю ненамеренно, бессознательно. Просто таково положение вещей. Мне мешает то обстоятельство, что я слишком много знаю о перстне. Когда я работал в архиве венецианской «Марчианы», библиотеки Святого Марка, и в отделе рукописей Румянцевской библиотеки в Москве, я обнаружил данные, из которых следует, что в прошлом существовало гадание с помощью каменного перстня.

– И ты только сейчас говоришь мне об этом? Покажешь, что ты написал о перстне?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я ничего не написал и не собираюсь писать.

– Как так? Разве это не относится к области твоих исследований?

– И да, и нет. Это скорее относится к тому, что древние авторы называли «царской тайной». Уточняя при этом, что царскую тайну следует хранить крепко.

– Но собственной жене ты эту тайну откроешь, правда?

– Открою, но вовсе не потому, что ты моя жена. Лиза обиделась, тревожно посмотрела на меня и спросила:

– А почему же?

– Потому что ты и сама с помощью перстня и той воды из Богородичного источника идешь по следу этой тайны. Так что дальше мы вместе попытаемся открыть ее в той мере, в какой это будет в наших силах и насколько нам это будет позволено.

– Рассказывай!

– Для начала я мог бы напомнить тебе о том, к чему вы, в Англии, особо чувствительны. Речь идет о тайне, частью которой является Святой Грааль. Тебе, разумеется, известна история о Святом Граале. Достаточно одного взгляда на Царьградский покров, который сейчас находится в Италии и называется Туринской плащаницей, чтобы заметить, что на этой ткани виден как бы отпечаток тела Христа, с лица и со спины. И ты наверняка знаешь, что в давние времена некоторые очевидцы ужасались, когда им показывали этот покров, или Святой Грааль, потому что отпечаток имел четыре руки, две головы и четыре ноги. Независимо от подлинности покрова история о Граале может быть истолкована и по-другому, а именно как то, что он символизирует удвоенность тела Христа. То есть историю о том, что у Христа было и другое тело. Кстати, все это прекрасно описано в Библии. Просто надо уметь читать.

– А что такое ты разыскал в архивах?

– То, что в прошлом были лица, занимавшиеся поисками ответа на вопрос, имеем ли и мы два тела, подобно тому как их имел Христос. В частности, прояснить это пытались одна женщина в Венеции приблизительно в тысяча семьсот семидесятом году и один монах из Сентандреи, в Венгрии, предположительно в тысяча семьсот сорок девятом году. По-видимому, можно считать, что в этих местах в то время случались и другие попытки такого рода. Например, есть свидетельства того, что в Венеции некий чембалист, который сочинял музыку для часов и шарманок, примерно тогда же, правда безуспешно, пытался ворожить этим же способом, то есть с помощью перстня, святой воды и заклинаний. Он стремился установить, есть ли у человека другое тело, или его нет. Все эти люди действовали крайне наивно, но, по-моему, их попытки заслуживают уважения хотя бы как храбрые шаги по тернистому пути.

– Ну а они смогли хоть что-нибудь установить с помощью этого колдовства?

– Перстень вел себя удивительно. У участников этих опытов складывалось впечатление, что он их обманывает.

– А он действительно обманывал?

– Я тебе расскажу, что знаю, а ты решай сама.

Вторая часть

1. Палаццо на канале Чудес

Однажды туманным майским днем 1764 года господин Захария Орфелин, сам того не подозревая, получил новое имя. Он высадился из венской коляски, обитой сукном кирпичного цвета, неподалеку от Венеции. Кучер в треуголке выгрузил его сундучок и подушку из красной кожи, набитую пухом паннонских гусынь, – дальше путешественнику предстояло добираться по воде. С того момента, как он, вступив со своим небольшим багажом на борт изъеденной червями гондолы, пустился в путь по венецианской лагуне с ее соленым туманом и невидимыми, но ощутимыми волнами, господин Орфелин стал для окружающего мира синьором Сакариасом. И никем иным. Из своего удивительного средства передвижения пассажир оторопело глазел на стоящие над водой дворцы, а местные дамы дивились смешному красавчику, обнимающему в гондоле красную подушку. Приезжий не носил парика, его темные волосы были завязаны на затылке янтарными четками и напоминали толстый конский хвост. Губы он подкрашивал помадой, что было ему весьма к лицу, курил трубку с длиннющим чубуком, которая дымила над гондолой и, словно кадило, окуривала мосты.

Гондольер, который, казалось, вел свое суденышко не по водам каналов, а по волнам времени, вдруг перешел с обычной венецианской брани на учтивый итальянский, предполагая, что так иностранцу будет легче понимать его, и сказал:

– У меня есть две драгоценные вещицы на продажу! Если синьор заинтересуется, уступлю недорого.

– Нет, я вовсе не гожусь в покупатели твоих драгоценностей, – ответил Сакариас и вытряхнул в море пепел из своей трубки.

Гондольер не услышал, а может, не захотел услышать ответа, выпустил из руки весло и, позволив гондоле свободно скользить по воде, нагнулся и вытащил из-под скамьи прекрасный глобус из кожи с позолотой.

– Да вы только гляньте! Его сделал не кто иной, как сам синьор Коронелли! И всего-то пять серебряных монет!

Пассажир молча смотрел, как солнце заходит над Рио-Сан-Джованни-Хризостомо, где грек Теодосий снял для него комнату на углу канала Чудес.

– Готов поспорить на мое весло, не догадаетесь, что еще я готов вам продать, – не отставал от него гондольер.

– Этот спор вы выиграли, я не буду и пытаться угадать.

– Но если угадаете, я отдам вам эту вещь бесплатно!

– Стеклянный сосуд, изготовленный на острове Мурано? – улыбнулся Захария, знавший, что именно здесь все предлагают приезжим.

Гондольер совершенно неожиданно потерял к разговору всякий интерес, схватился за весло и принялся напевать на каком-то непонятном языке.

– Уж не хотите ли вы продать мне вашу песню? – тут же среагировал Захария.

– Клянусь кошками святого Марка, господин почти угадал! Как вы узнали?

– Так, значит, вы отдаете мне песню бесплатно?

– Э, нет. То, что я хочу продать, не песня, все, что у меня есть, это всего лишь самая маленькая ее часть, и стоит это гораздо дороже глобуса.

С этими словами гондольер вытащил из-за занавески на кабинке гондолы соломенную шляпу, в которой Сакариас увидел стеклянный бокал.

– Все-таки бокал, значит, я угадал?

– Не угадали. Я предлагаю вам купить не бокал, а то, что в бокале.

– А что же такое может быть в бокале?

– Сами посмотрите, – ответил гондольер и протянул бокал путешественнику. – Только прошу вас, синьор, будьте осторожны, потому что то, что находится внутри, стоит дороже не только самого бокала, но и моей гондолы вместе со мной.

Удивленный Захария осмотрел бокал и убедился в том, что тот пуст, как рот перед обедом.

– Смотрите получше, – заметил гондольер, – на дне бокала есть надпись. То, что там написано, я и продаю.

– Похоже на какое-то изречение. Трудно разобрать.

– Разумеется, трудно. Потому что читать надо не так, как вы – заглянув в бокал, а по-другому, – объяснил гондольер, осторожно беря вещь из рук приезжего. – Это стих, который я продаю, но вы не угадали, синьор, потому что я вам почти все сам рассказал и вывел вас на след, как вот эту гондолу на перекресток канала Хризостомо и канала Чудес… Мы на месте. Это зеленое здание с тремя окнами, откуда доносятся звуки чембало, и есть то, которое вам нужно. Но прежде чем расплатиться за провоз, решайтесь и купите стих, потому что если вы его не купите, то потом горько раскаетесь. Вы себе даже не представляете, что можете упустить…

Захария протянул гондольеру деньги, выгрузил на ступени дома свой сундучок и с красной подушкой под мышкой выбрался на сушу. Потом обернулся и спросил сквозь туман:

– Что же это за стих, который продается, да еще так дорого, как ты сказал? Это что – какое-то заклинание, заговор от сглаза или еще что-нибудь в таком роде?

– Нет. Стих написан на языке более старом, чем сама смерть, на этрусском, а Венеция – младшая сестра этрусков. Я его не понимаю, но он обладает силой. Если решитесь его купить, отыщите мою гондолу. Над ней балдахин с иконой святого Себастьяна. Вон, видите там икону? По ней вы нас и узнаете. Пойдем с вами поесть черных спагетти, и за столом я расскажу вам все, что следует знать владельцу этого стиха. А теперь мне пора.

Когда Захария оказался один на мощенной камнем площадке перед домом, раздался звон какой-то невидимой ему колокольни. Его окружала осевшая глубоко в туман тишина, и каждый удар церковного колокола, казалось, замерзал и оставался в ней навсегда.

Захария медленно поднялся по ступеням в здание, машинально подгадывая каждый шаг к следующему удару далекого колокола. Наверху ему показали предназначенную для него комнату. Здесь пахло позавчерашним днем, тем самым, когда он еще ехал в коляске через Альпы. Открыв шкаф, он обнаружил в нем крюки для одежды, приспособление для умывания (стеклянный таз на треноге), а также висящий на внутренней стороне дверцы и прикованный к ней цепочкой гребень для расчесывания париков. Но особенно удивило и обрадовало его то, что в глубине шкафа было окно, которое смотрело на скрещение двух каналов – Сан-Джованни-Хризостомо и канала Чудес. На подоконнике лежали яблоки и стояла бутылка воды. Он поглядел в окно, где в тумане тонул день, и принялся доставать из сундучка свои вещи. Несколько книг, среди которых были и сочинения Иоанна Златоуста, того самого греческого церковного проповедника, чьим именем назывался канал, на берегу которого Захария теперь жил. В его комнате имелся резной комод прошлого века, с прекрасной резьбой, представлявшей собой цветы, его верхнюю доску можно было использовать в качестве письменного стола. Сюда он положил перья, песочницу и бумагу, а на бумагу поставил звонок для вызова прислуги, ручка которого заканчивалась небольшим кольцом со вставленным в него зеркальцем. В один из ящиков убрал свой рукописный шедевр – роскошно украшенный сборник песен с нотами, под названием «Приветствие Моисею Путнику». Правда, это была всего лишь копия, потому что оригинал, гораздо более роскошный и окончательно доработанный, остался у самого владыки, Моисея Путника, где-то в Бачке. Потом господин Захария бросил красную подушку на кровать в своей новой комнате и решил пройтись, размять ноги, которые у него затекли после

тряски в дорожной коляске и качки в лодке. Проходя через дом к выходу, он заметил в одной из ниш скульптуру Вольтера, наряженную в настоящий камзол из красного шелка. На шее у Вольтера было жабо – кружевной воротник. Рассматривая эту диковину, Захария почувствовал какой-то странный запах, который исходил от стенного шкафа на лестничной площадке и из сундуков под окнами прихожей. Весь дом был пропитан ароматами сушеных цветов, фруктов, трав и самых разных растений. По подоконникам были расставлены разноцветные стеклянные сосуды, банки и бокалы из Мурано и Мурсии, наполненные бутонами, веточками, сосновыми иголками и кусочками древесной коры… Кто-то в этом доме интересовался лечебными травами.

Выйдя из дома, он пустился по улице куда глаза глядят. И тут же заблудился в испарениях среди мостов, а когда вдруг вышел на какую-то площадь, то первое, что возникло перед ним из тумана, была девушка. Ее явление, а лучше сказать, ее неземная красота и благородство движений поразили его как гром среди ясного неба, он перепугался и бросился на другую сторону площади, решительно стремясь избежать любого искушения, но увидел, что девушка идет в том же направлении. Тогда он обратился в бегство, и бежал он до тех пор, пока путь ему не преградила вода. Пришлось возвращаться на площадь, где девушки, разумеется, уже не было и где он прочитал название кирпичной готической церкви:

Santi Giovanni e Paolo

Теперь он хотя бы знал, где ему, может быть, удастся снова увидеть ее, если, конечно, он преодолеет страх и если она здесь иногда бывает.

Так в этот первый день в Венеции у него возникло совершенно неожиданное и незнакомое ему чувство – страх перед красотой. Вечером он, объятый удивлением и страхом перед этим новым страхом, заснул в своей венецианской постели, которая вообще-то была обычной матросской койкой. Разбудила его музыка.

Из соседней комнаты доносились звуки чембало, потом послышался и женский альт, горячий, как напиток, сваренный на черном сахаре. Захария вскочил, словно его ужалили. Неизвестная девушка исполняла его собственную композицию. Ту самую, нотная запись которой была в его рукописном сборнике песен «Приветствие Моисею Путнику».

«Этого не может быть!» – первое, что пронеслось в его мозгу. Откуда здесь, в Венеции, в первый день как он приехал, кто-то может уже не только знать его неопубликованную композицию, но и исполнять ее с чарующим совершенством? Он вскочил с постели, выдвинул ящик комода, но рукописный сборник стихов с нотами спокойно лежал там же, куда он положил его накануне вечером. Так что дело становилось совершенно необъяснимым. Мягкий и теплый голос по-прежнему лился из соседней комнаты, и он заслушался, оставшись на несколько мгновений в собственных объятиях и в полном недоумении. Потом очнулся, кое-как натянул на себя одежду и без всяких колебаний ринулся в ту часть дома, откуда доносилась музыка. Но стоило ему открыть дверь в ту комнату, где музицировали, как он тут же захлопнул ее, даже не попытавшись войти. Канал, на берегу которого он поселился, недаром назывался Рио-дельи-Мираколи – канал Чудес. В соседней комнате за чембало из розового дерева сидела и пела его сочинение та самая девушка, которую он несколько часов назад встретил на площади. Та самая девушка, красота которой привела его в ужас и заставила бежать без оглядки. Теперь ему предстояло встретиться с ней, но он не знал как.

Она знала.

2. Мост Сисек

В тот день Захария в первый раз отправился в венецианскую типографию кира Димитриса Теодосия, куда был приглашен работать корректором. Грек публиковал в Венеции издания на греческом и славяно-сербском языках, – в сущности, это были книги для ортодоксов, то есть для тех, кто принадлежал к православной вере, – и потом распространял их по всем концам Австрийской империи, где имелось сербское население. В тот первый день грек принял Захарию очень хорошо. «Мы едва дождались, когда вы приедете», – заметил он, при этом, правда, осталось непонятно, действительно ли он так думает, или же только говорит. Это был старичок с обостренным нюхом, он то и дело отгонял от себя табачный дым и дыхание собеседника. В кармане жилетки он носил постоянно застегнутый пряжкой молитвенник, на котором было написано, что он отпечатан в «славяно-греческой типографии Димитриса Теодосия». В его канцелярии, конечно же, лежала заблаговременно полученная бумага, curriculum vitae, нового помощника.

Из документа следовало, что Захария Стефанович Орфелин (год рождения 1726-й), греческого ортодоксального вероисповедания, принадлежит к числу подданных Австрийской империи, а по национальности славяно-сербского происхождения. Служить начал в Нови-Саде, одном большом городе на Дунае, в качестве «славянския школы магистра». В середине века проживал и учился граверным художествам и живописи в Будиме, Вене и Аугсбурге. (Здесь, как и обычно в документах такого рода, обойдены молчанием две жалобы на него местным властям за неоплаченные уроки музыки, которые он брал у одного словацкого чембалиста, изгнанного в свое время из Пешта.) Известность Орфелин получил в 1757 году, когда по случаю интронизации епископа Бачки Моисея Путника вручил виновнику торжеств великолепное художественно оформленное рукописное издание сборника песен собственного сочинения. Это «Приветствие Моисею Путнику» охватывало такие виды прекрасного, как поэзия, изобразительное искусство, музыка и сценическое воплощение, и открыло его автору путь к новым достижениям, в частности Захария вскоре был принят на службу канцеляристом к митрополиту Павлу Ненадовичу в Карловцах и начал работу над роскошно оформленными грамотами и церковными документами. (В этом месте составитель умолчал о женитьбе господина Захарии.) Из Вены, где он находился с митрополитом, Орфелин привез в Карловцы, ко двору митрополита, оборудование для типографии. С этого времени начинается его деятельность издателя и гравера. В 1760 году он издает «Оду на воспоминание Второго Христова пришествия» и создает эскиз малой и большой башен соборной церкви в Карловцах. (Здесь нет ни слова о рождении его ребенка, мальчика.) С 1761 года Захария снова пишет стихи и отсылает их в Венецию, где они выходят в свет отдельными книжечками в тамошней типографии Теодосия, однако из-за содержащихся в них политических идей у Захарии начинаются неприятности и с митрополитом, и с австрийскими властями. (Здесь умалчивается о том, что Захария был изгнан со службы при дворе митрополита…)

К счастью для Захарии, сотрудничество с венецианской типографией греческих и сербских книг кира Теодосия продолжилось к взаимной пользе. И вот теперь оно увенчалось приездом господина Захарии в Венецию, а незадолго до этого прибытием с родины Захарии большого ящика книг, которые он некоторое время назад отправил в Венецию и сейчас нашел уже распакованными и расставленными по полкам над его столом в типографии.

Они выпили немного греческого вина, но кир Теодосий не любил терять время зря. Захарии тут же было поручено подготовить к печати книгу, которая имела весьма длинное название:

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ

ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО НАРОДА

Книга относилась к историческим произведениям, которым кир Теодосий собирался уделить теперь несколько больше внимания ввиду того, что рынок проявлял к ним интерес. Автором был некий русский дипломат сербского происхождения, Павле Юлинац, а напечатать книгу нужно было еще до начала следующего, 1765 года. Кроме этого, Захария пообещал передать издателю и некоторые из своих новых стихов. Они должны были, по их договоренности, выходить каждое отдельной книжечкой в течение этого и будущего года. И еще Захария предложил написать сочинение под названием «Букварь малый».

– Вы неисправимый педагог, – с улыбкой заметил кир Теодосий, – хотя наверняка знаете, что путь к неудачам и бедам вымощен успешно осуществленными педагогическими начинаниями…

* * *

Май приближался к концу, когда однажды утром туман рассеялся и Захария увидел через скрытое в шкафу окно, где же он, собственно, живет и что находится вокруг его дома. Он находился в самом прекрасном и самом зловонном городе мира. Из комнаты за стеной доносились бой часов, десятилетиями совершенствовавшийся мужской кашель и хорошо поставленный женский альт, уже знакомый Захарии. Из коридора в комнату доносился запах сушеных растений, а мужской голос очень отчетливо произносил на венецианском диалекте какие-то не связанные друг с другом фразы:

– *Запомните, о запомните! Наш Спаситель, Иисус Христос, думал справа налево! Христос и считал справа налево! Христос и читал справа налево! Не так, как мы…* Запомнила? Анна, ты запомнила, что я сказал?

– Да. – Женский голос отвечал любезно, но безвольно и бесцветно.

– *Род человеческий во сне более даровит, чем наяву…* – продолжил мужской голос, но на этом месте то, что происходило в соседней комнате, прервалось, потому что на мужчину снова напал приступ кашля.

Должно быть, это хозяин дома, подумал Захария. Скорее всего, старик сделал сейчас Анне знак рукой, что она может идти.

Так оно и оказалось, потому что она почти тут же постучала в его дверь. Теперь он уже знал ее имя, причем еще до того, как девушка вошла. Стучала она своим браслетом, Захария это явственно слышал. Не дожидаясь приглашения, вошла в его комнату, села на один из стульев и внимательно осмотрелась. На руках у нее были зеленые кружевные перчатки, а поверх одной из них браслет в виде золотой ящерицы.

– Итак, вы господин Сакариас, наш новый жилец.

– Итак, вы Анна, хозяйка моей новой комнаты, – ответил Захария и уселся на свою матросскую койку.

– И вовсе я никакая не хозяйка. Я помогаю вашему хозяину, маэстро Джеремии, в его работе. И сейчас я здесь, у вас, по его распоряжению. А вы, господин Сакариас, откуда вы приехали?

– Я родом из Петроварадина.

– Что это – Петроварадин?

– Красивый город и крепость на Дунае.

– А что такое Дунай?

– Одна из четырех рек, берущих начало в раю.

– Правда? Господин выглядит на удивление хорошо для персоны, которая побывала в самом раю. Значит, это очень далеко отсюда.

– Да, в государстве, принадлежащем Венскому престолу.

– А зачем господин Сакариас приехал в Венецию?

– Вашему господину Джеремии порекомендовал меня в качестве жильца мой работодатель, кир Димитрис Теодосий, венецианский житель, владелец местной типографии и издатель, так что теперь вам ясно, зачем я здесь. Я корректор славяно-греческой типографии кира Теодосия. У нас с ним есть несколько книжных магазинов в Петроварадине, которые торгуют нашими изданиями.

– Но это не означает, что вы стали жителем Венецианской республики?

– Пока нет.

– В таком случае вам придется заплатить за жилье вперед. Лучше всего было бы сделать это прямо сейчас. Можете дать деньги мне, а я напишу расписку, если у вас есть чернила.

Так прошла и была заверена подписью синьорины Анны Поцце их первая встреча. В дверях она остановилась и, прежде чем выйти, сказала:

– Вижу, у вас есть колокольчик. Если что-нибудь понадобится, пока вы еще не привыкли, пожалуйста, звоните. Старый хозяин давно уже стал глуховат, и ему это не помешает, а я, если я где-то в доме, услышу и приду вам прислужить.

После этой встречи Захария не мог оставаться дома. Из соседней комнаты снова доносились звуки чембало, но играла не Анна, это было ясно по невероятной, почти механической скорости игравших пальцев. Музыка дышала, из нее изливалось что-то страшное, что не было музыкой, и Захария заранее угадывал, когда оно, это страшное, прозвучит. Звуки накладывались на звон колокола, отмерявшего пять часов после полудня. Захария еще не знал, что и впредь каждый день в это же самое время хозяин дома маэстро Джеремия будет играть Скарлатти.

Он вышел на мощенные каменными плитами тротуары и по набрякшей от воды собственной тени зашагал под каким-то грязным ветром, который топил в каналах птиц. Тумана не было, но на лагуну, как туман, опускалась тишина. Захария шагал неспешно и думал о том, что надежда всегда штука невежливая и не вполне чистая.

* * *

Как-то июньским днем, после полудня, Захария снова услышал из соседней комнаты низкий голос маэстро Джеремии. Старик снова декламировал свои загадочные фразы, которые звучали гулко, как из бочки:

– *Разница между двумя мужчинами может быть большей, чем между мужчиной и женщиной…* Запомнила, Анна? *Но разница между двумя женщинами всегда больше, чем между мужчиной и женщиной…* Ты следишь за моими словами, Анна? Ничего не перепутаешь? Так, на сегодня хватит. Теперь ступай. Пришло время кашлять…

Воспользовавшись удобным моментом, Захария схватился за свой колокольчик. Раздавшийся звон заставил его вздрогнуть, потому что здесь, в Венеции, он звучал совсем не так, как в Петрова-радине или Вене. Захария принялся внимательно разглядывать его, он даже заподозрил, что колокольчик подменили. За этим занятием и застала его Анна, вошедшая с бокалом вина, присланным, по ее словам, маэстро Джеремией.

– Чем могу служить молодому господину? – спросила Анна, ставя бокал на стол.

– У меня к вам два вопроса и один сюрприз.

– Прекрасно, послушаем сначала вопросы, а с сюрпризом подождем. Для настоящего сюрприза всегда время найдется.

– Благодаря чему, синьорина Анна, некий иностранец заслужил столь пристальное ваше внимание?

– У нас с вами много общего.

– С чего вы это взяли?

– Прочитала.

– Прочитали? Где?

– В дорожных документах этого иностранца. Там написано, что господин – вдовец, что у него есть сын, которого он не взял с собой в Венецию, и что одно из его имен – Орфелин. Это слово означает «сирота». Я тоже сирота. Подкидыш. Вас удовлетворяет такое объяснение?

– Нет. Вы, как и сами признаете, тайком рылись в моих ящиках и читали бумаги. Кроме того, вы взяли страницу с нотами моей приветственной песни епископу Моисею Путнику и скопировали ее. Поэтому и смогли исполнить ее в то утро.

– Мой юный господин, вы все неправильно поняли. Ваши документы я просмотрела по распоряжению хозяина дома, маэстро Джеремии. А на песню я наткнулась случайно и просто запомнила мелодию.

– Увидели и запомнили?

– Да. У меня дар читать с листа, как это называют музыканты, другими словами, стоит мне бросить взгляд на любую нотную запись, и я запоминаю ее целиком и могу тут же или позже спеть или сыграть. Впрочем, это не совсем дар, меня этому научили в сиротском доме, может быть, и вы тоже там учились музыке.

– Должен вас разочаровать, синьорина Анна, слово «орфелин», как звучит мое второе имя, уходит корнями в алхимию и обозначает особым образом ограненный драгоценный камень.

– Значит, вы не сирота?

– Могу сказать вам только то, что своих родителей я не помню. А вы? Вы приемная дочь маэстро Джеремии?

– Да нет, я же сказала вам, что выросла в Оспедалетто ди Санти-Джованни-э-Паоло.

– Что это такое?

– Это особый сиротский дом для музыкально одаренных девочек, брошенных матерями сразу после рождения. В Венеции таких домов четыре, и в них преподают лучшие музыканты, такие как Галуппи, Порпора, Скарлатти или Чимароза. Может быть, вы слышали эти имена? Маэстро Джеремия давал мне там уроки игры на чембало, а кроме того, как вы слышали, научил меня петь. Кстати, если у вас будет возможность, приходите как-нибудь на один из наших музыкальных вечеров, они у нас называются «accademia», там и послушаете. Венеция – столица музыки… А теперь ваш второй вопрос.

– Он в некоторой степени личного характера. Я никак не могу понять: что вам иногда диктует маэстро Джеремия во второй половине дня перед приступом кашля?

– Это «гномы», – со смехом ответила Анна, – но об этом мы поговорим в другой раз. Потому что сейчас пришло время для вашего сюрприза.

– Вы спрашивали меня в первый день, чем я занимаюсь в типографии кира Теодосия. Сейчас я вам покажу одну вещь, которую я набрал и напечатал специально для вас, чтобы вы смогли увидеть.

– Что это?

– Это поздравление в стихах, которое я начал писать, а когда закончу, то напечатаю у Теодосия и буду дарить такие поздравления у себя на родине, в Петроварадине и Нови-Саде под новый, тысяча семьсот шестьдесят пятый год, как и написано на обложке… Если Бог даст, один экземпляр подарю и вам, чтобы пожелать в новом году здоровья и всего самого лучшего.

– А на каком языке это будет напечатано?

– На моем родном языке, славяно-сербском, на котором я и пишу. Я прочитаю вам первую строфу, ее я уже сочинил, так что вы сможете услышать, как это звучит:

Красно время к нам грядет,

Зима изгоняется.
Аще пролетье пришло,
Лето приближается,
Небо чисто появляется,
Благозрачье обретается.
О, весна златая!

– Дивно! А теперь спойте эти стихи, – попросила восхищенная Анна.

– Но, Анна, это же новогоднее поздравление в виде отпечатанной книжечки, это не поют.

– Позвольте спросить, уважаемый синьор, кому нужны стихи, которые нельзя петь? Мне – не нужны. И скажу вам откровенно, бросьте вы все это. Забудьте. Не тратьте время и силы напрасно. Все вы, кто приходит с той стороны Альп, всегда печальны и склонны к самоистязаниям. Вас трудно понять и перевоспитать. Но давайте попытаемся сделать это прямо сейчас. Я хочу вам кое-что показать. И у меня есть для вас сюрприз. Приходите сегодня в конце дня на Понте делле Тетте, это по другую сторону от Риальто, там где Санта-Кроче. А еще лучше – приходите к моему сиротскому дому Оспедалетто на площади Санти-Джованни-э-Паоло, Святых Иоанна и Павла. Там вы меня увидели в первый вечер и сбежали от меня, я и сейчас там живу. А потом мы вместе наймем лодку. Но не опаздывайте, потому что на мосту мы с вами должны быть ровно в пять часов и двадцать шесть минут. Запомните, в пять двадцать шесть…

* * *

– Много веков назад, как говорит связанное с этим мостом предание, мужчины утратили желание совокупляться с женщинами, а женщины потеряли интерес к мужскому племени. Все стали спариваться с животными, в Венеции воцарилась содомия…

Этими словами Анна Поцце, сидя рядом с Захарией на ограде Понте делле Тетте, начала рассказывать свою историю:

– Чтобы оградить население от содомии, власти, обеспокоенные падением рождаемости в Венеции и ее окрестностях, разрешили публичным женщинам здесь, на этом мосту, привлекать прохожих, демонстрируя свои прелести и обнажаясь. Так мост получил то самое имя, которое и осталось у него по сей день, – мост Сисек.

При этих словах Анна Поцце сбросила со своих плеч шаль и предстала перед Захарией во всем великолепии красоты. Ее платье имело такой вырез, что обе ее груди были обнажены и не моргая глядели прямо в глаза Захарии, который, напуганный такими дарами, едва сдержался, чтобы снова не броситься в бегство, как это было в первый день на площади Святых Иоанна и Павла. Остановили его слова Анны:

– Не удивляйся тому, что я тебе показала. Ты не мог не заметить, что сегодня большинство женщин в Венеции носит грудь так, словно она на витрине, но я свою показываю не из-за моды. Посмотри хорошенько: если она тебе понравится, то станет твоей, правда не сейчас. В один прекрасный вечер, если будешь меня слушаться и не будешь бросать из-за «более важных» вещей, ты получишь ее в подарок.

При этих словах Захария привлек Анну к себе и поцеловал, а она спросила:

– А ты прочитал мои губы?

– Разве губы можно прочитать?

– Разумеется. Как любой поцелуй. Я твои прочитала.

– И что было написано?

– Я тебе это уже сказала. Все вы, что приезжаете с того берега Венецианского залива, который вы называете Адриатическим морем, люди тяжелые во всех отношениях. Вас тяжело научить радости и любви. Но зато и меня синьор должен будет кое-чему научить. У меня пока

не было опыта отношений с мужчинами. Я видела, как мальчишки с борта лодки мочатся в канал Святого Луки, но этого все же недостаточно. Я хочу, чтобы ты мне показал, что у тебя есть. Но не сейчас. Дай мне немного времени. Женское время течет не в ту сторону, в какую течет мужское. И я надеюсь, мой синьор понял, что здесь, на мосту, он провел время лучше, чем если бы сидел над плохими стихами, которые к тому же нельзя петь…

Изумленный и смущенный, Захария замер на месте. Он не знал, что за всем этим последует.

– Ты ведешь себя так, словно еще не заплатил, – пошутила она и, поцеловав его, снова набросила на плечи шаль.

Витрина закрылась. Захарию мучил вопрос, не совершил ли он какой-нибудь ошибки; они возвращались в свою часть Венеции, Кастелло, когда он неожиданно и глупо спросил ее:

– Почему в пять двадцать шесть?

– Как почему?

– Я не понял, почему на мосту Сисек мы должны были быть в пять часов и двадцать шесть минут.

– Потому что я хотела показать тебе себя ровно во время твоего рождения. Насколько я знаю из твоих дорожных документов, ты родился в тысяча семьсот двадцать шестом году, так? И я решила, что было бы хорошо, если бы ты увидел меня в семнадцать часов и двадцать шесть минут, то есть в твой каждодневный день рождения. А мост Сисек был моим подарком тебе на день рождения. Если будешь меня слушаться, то каждый день будешь получать от меня подарки и в это время, и после этого времени тоже. Но запомни, если ты любовь поставишь на последнее место, после всех других своих дел и обязанностей, то она и в самом деле станет самым последним делом в твоей жизни. И последним делом на свете.

3. Приют неизлечимых

– Какой беспорядок, Dio mio, какой беспорядок! Свечи догорели до самых подсвечников, в зеркале ничего не видно от дыма, настольный колокольчик и Анна Поцце забыты; синьор Сакариас потратил еще две свои драгоценные венецианские ночи, трудясь над каким-то новым замыслом, над какой-то толстой книгой на странном языке degli schiavoni[2], которого не понимают даже сербы, что на нем говорят. А в это время за стенами дома лежит прекраснейший на свете город, царит мир, наш могущественный флот стоит на якоре, дож Мочениго отбыл на Лидо, бросить перстень в лагуну и обвенчать море с Венецией. Весь город сейчас там. Поедем туда и мы. Маэстро Джеремия заказал для нас гондолу, и она уже ждет внизу, на канале Чудес. Так что, синьор Сакариас, просыпайтесь и вставайте, тем более что мы не одни. Моя подруга Забетта решила нанести вам визит. Не надо нас стесняться, мы уже видели все, что можно было увидеть, потому что синьор Сакариас изволит спать голым…

Именно эти слова из целого потока фраз Анны Поцце заставили Захарию все-таки проснуться, и он как ошпаренный выскочил из постели, но ввиду вышеупомянутого обстоятельства немедленно нырнул обратно и натянул одеяло до самого подбородка. Перед ним стояли две красавицы, каждая с тремя лицами. Ближе к нему была незнакомая девушка с обнаженными плечами. Ее щеки были покрыты румянами точно ниже воображаемой линии нос – ухо, что придавало чертам ее лица резкость. У нее за спиной он увидел Анну. У обеих на груди было по две маскарадные маски. У незнакомой девушки Солнце и Луна, а у Анны два страшилища с клювами. Через приоткрытый рот каждой маски виднелся сосок груди, он напоминал кончик высунутого языка или пальца. Захария сразу заметил, что у Забетты соски гораздо крупнее, чем у Анны, и тут же молниеносно нанес ответный удар. Перепоясавшись полотенцем, он выбрался из постели со словами:

– Неужели, Анна, ты не ревнуешь меня к синьорине Забетте? Не боишься, что она может отбить меня у тебя?

Обе девушки расхохотались, а Анна грустно ответила:

– Нет, не боюсь. Забетта, к сожалению, больше не спит с мужчинами…

В гондоле, которую Захария неумело приводил в движение, действуя веслом наобум и вызывая этим у девушек взрывы хохота, они продвигались со скоростью улитки от канала Хризостомо в сторону Гранд-канала. Еще садясь в гондолу, Захария увидел в ней нечто такое, что его чрезвычайно удивило. Это была икона святого Себастьяна.

«Может быть, на дне гондолы в соломенной шляпе лежит и бокал со стихом, который продается?» – подумал Захария и ощупал шляпу. Бокала, разумеется, не было.

Учитывая беспомощность, которую проявил в гребном деле их скьявоне, девушки отказались от мысли попасть на Лидо. Остановились и высадились на площади Дзаниполо, где их спутник повел себя самым удивительным образом.

В центре площади стоял огромный бронзовый всадник. Он был готов пуститься галопом. Захария, который еще не видел изваяния, застыл, словно окаменев от его величественного вида. Шедевр сверкал так, будто только что появился на свет. Руками – в одной повод, другая на шее коня – он словно держал в узде все, окружавшее его. Перед этим чудом Захария простоял несколько мгновений в оцепенении, а потом почувствовал, что его, к сожалению, охватывает уже знакомая паника. Что-то похожее на неожиданный приступ болезни. Рядом с таким великолепием красоты на него напал страх, и он бросился бежать. Так же как бежал тогда, встретившись взглядом с глазами Анны, когда впервые увидел ее на этой же самой площади Святых Иоанна и Павла, бежал он и сейчас от красоты конной статуи, а она галопом преследовала его.

[2] *Schiavoni* – словенец (*итал.*).

Захария был охвачен одновременно и ужасом, и бессилием, он несся вперед, забыв о красавицах с тремя лицами, которых оставил где-то далеко и которые теперь пытались его догнать.

Изумленные спутницы с трудом настигли его в каком-то укромном дворике, где находилась корчма, и принялись успокаивать. Здесь они заказали вина, чтобы привести его в чувство, а потом moleche fritte con polenta, причем Захария понял, что это такое, только тогда, когда перед ним поставили жареного краба с полентой. Слушая колокольный звон с ближайшей церкви, они ели, пили и болтали, и девушки постепенно приходили в себя от потрясения и изумления, в которое повергла их выходка скьявоне.

– Итак, что за новый проект родился у синьора корректора типографии греко-славянских книг? – спросила Анна примирительным тоном.

– Я задумал, – с отсутствующим видом ответил Захария, – один журнал. Или календарь.

Ему тоже хотелось, чтобы происшествие, которого он стыдился, как можно скорее осталось в прошлом.

– И как он будет называться?

– «Альманах», «Журнал», «Сербская пчела», что-нибудь в этом роде. Там было бы всего понемногу, на любой вкус. В качестве введения я написал бы эссе, потом некоторые замечания о языке литературных произведений, потом публикации, касающиеся географии, науки о человеке, педагогики, истории, права, и все это с обзором недавно вышедших книг. Можно было бы поместить какую-нибудь восточную историю, пару-другую сонетов, текст в защиту женщин…

При этих словах обе гостьи Захарии зааплодировали и, сбросив с груди маски, принялись обмахиваться ими как веерами. Смущенный, не зная, куда девать глаза, Захария зачастил:

– Кроме того, там могут быть тексты по домоводству, торговле, ремеслам, архитектуре, музыке и изобразительному искусству, особенно по живописи и резным художествам, точнее – по гравировке на медных листах… Я предложил бы читателям присылать мне описания своих самых занимательных снов…

– И вы бы это печатали? – перебила его синьорина Забетта.

– Да, – ответил он.

– И читатели могли бы читать свои сны в напечатанном виде? Какая прелесть! – воскликнула Забетта. – А у вас уже есть чьи-нибудь сны?

– Да нет, пожалуй.

– Что же вы будете делать в таком случае?

– Не знаю.

– Я знаю, – вмешалась в разговор Анна. – Вам нужно опубликовать свой собственный интересный сон. Можно под чужим именем. Вам в последние ночи снилось что-нибудь необычное?

– Снилось, но это не для печати! – заметил Захария.

– Как так? Знаете что, расскажите-ка нам, а уж мы и решим.

– Что бы вы ни намеревались решить, этот сон не для пересказа, а тем более не для публикации в журнале.

– Немедленно рассказывайте! – закричали девушки в один голос.

– Я видел во сне, что иду по вашему знаменитому мосту, который называется Риальто. Не знаю, кто его строил, Микеланджело, Палладио, да Понте или Сансовино, но он прекрасен. Как вы знаете, по обеим сторонам моста тянутся лавки, есть среди них и книжные. Так вот, мне снилось, что я должен пройти по этому мосту в час, когда там больше всего людей и самое большое движение. Я очень спешил куда-то по важному делу и не успел одеться. Таким образом, на мосту я оказался полуголым: на мне была рубашка, а ниже – ничего.

В этом месте девушки рассмеялись и снова замахали масками словно веерами.

– Почему-то я надеялся, что это обстоятельство окажется не слишком заметным. И в таком виде быстрым шагом пробирался через толпу. Когда я был уже на середине моста, какая-то женщина вдруг выкрикнула: «Maledetto!», правда, я не понял, относилось ли это проклятие именно ко мне. Дело усугубилось тем, что в этой давке, среди локтей, кулаков, грудей, задниц и бедер, и мужских, и женских, у меня встало, и, добравшись до конца моста, я рухнул на камень, поэтому, просыпаясь, испачкал свою матросскую койку в зеленом доме маэстро Джеремии…

Конец истории тоже вызвал взрыв смеха, но Анна резко посерьезнела и прошептала:

– Дорогой мой синьор Сакариас, хотите, я вам кое-что расскажу и об этом сне, и о вашем сегодняшнем бегстве? Вы любой ценой хотите убежать от красоты. В страхе вы бежите от всего, что может очаровать, будто здесь, в Венеции, красота угрожает вам, тогда как нужно понять и принять ее как дар Божий. Вы бежите от красоты в камне: как можно быстрее через прекрасный мост, пусть и нагим! Бронзовый всадник Коллеони, кондотьер республики на площади Дзаниполо привел вас в ужас не потому, что он воин, а потому, что прекрасен! Потому что его создал гений Вероккио. Вы стараетесь держаться подальше от колокольчика на столе в вашей комнате, с помощью которого можно вызвать красавицу Анну Поцце! Вы бежите от любви, чтобы забиться в вашу комнатенку, где, не гася свечей, корпите над книгами, пишете то, что не принесет счастья вам и пользы другим людям. Я не говорю о букварях, учебниках латинского языка и прописях для школьников, это необходимые книги, да и вам, корректору в типографии, надо чем-то зарабатывать себе на хлеб. Но это не принесет вам ни любви, ни здоровья, ни счастья. Вы прекрасно рисуете и умеете сочинять музыку. А Венеция мать художников и мать музыки. Оглянитесь вокруг, но не как корректор славяно-греческой типографии кира Теодосия, или как там она называется, а как художник и композитор. Мы обе сейчас здесь для того, чтобы спасти вас. Чтобы предложить вам нечто другое. Впрочем, делайте выводы сами. Мы пойдем в театр «Новиссимо» на оперу Монтеверди, в «Сан Кассиано» послушать Кавалли и кастратов и Чести в опере «Святые Апостолы»… Не бойтесь красоты! Вы тоже принадлежите к миру искусства. Сегодня вечером мы отправляемся на концерт. И не говорите, что вам в это время нужно писать патриотические стихи, которые невозможно петь, или плачи по вашему отечеству, из-за которых, стоит вам их опубликовать, у вас будут большие неприятности не только с киром Теодосием, но и с самим вашим отечеством, и с церковью, и с цензурой в Вене…

* * *

К звукам церковных колоколов, означавшим, что на Кастелло пять часов после полудня, примешался звук чембало, часто звучавшего в зеленом здании. Это разбудило синьора Захарию от послеобеденного сна. Некоторое время он вслушивался в чембало с удвоенным вниманием знатока и хорошо выспавшегося человека. Тому, кто играл, больше удавался мажор, чем минор, legato было сжатым и белым, а двойные терции – результатом высокого мастерства и длительных упражнений. Ритм был смещен неожиданным образом до границы допустимого. В Лейпциге это называлось rubato: первую ноту незнакомец несколько затягивал, отчего композиция казалась написанной в размере три четверти, а не четыре. А затем молниеносное, словно выпущенное из рогатки presto… Играл, несомненно, мужчина. Захария, правда, заметил, что с исполнителем происходит что-то странное. В некоторых местах, а точнее сказать, в отдельных звуках слышалось нечто похожее на усталость, даже казалось, что пальцы музыканта боятся определенных клавиш на клавиатуре чембало, они как будто запинаются, натыкаясь на них. Захария вслушался внимательнее и понял, что даже может определить, на каких именно клавишах это происходит. Оказалось, на *ре* и несколько реже на *фа*, но только в теноровой октаве клавиатуры.

Странно, подумал он, но тут раздался звонок у входной двери зеленого дома. Захария быстро оделся и спустился вниз, где его ждал гондольер, чтобы отвезти на концерт, о чем он и договорился с утра с Анной Поцце.

Вечер был теплым, гребец, которого Захария сразу узнал, улыбался и явно пребывал в прекрасном настроении. Он болтал без умолку, благодаря чему пассажир узнал, что его зовут так же, как и его небесного покровителя, Себастьяном, что живет он тоже на канале Чудес, в доме, соседнем с зеленым, что в эти дни ему повезло и он не только продал глобус, но и нашел покупателя для бокала с письменами на дне, поэтому если синьор Захария по-прежнему не заинтересован, то сегодня же вечером он возьмет бокал из своего жилища и продаст…

На вопрос, куда он плывет и где назначила встречу Анна Поцце, Себастьян ответил, что направляются они ко всем известному месту – Консерватории дельи Инкурабили.

– Что это за место? – спросил Захария, удивив этим вопросом гондольера.

– Неужели вы не знаете? Это приют при монастыре для неизлечимо больных. Там живут девочки и девушки, зараженные такими болезнями, как проказа или та, которая получила название по имени древней богини любви Венеры.

– И что же, там устраивают концерты?

– Конечно, ведь туда принимают только тех больных, у которых есть несомненный музыкальный дар. И в Консерватории дельи Инкурабили есть музыканты, и они дают концерты, которые можно поставить в один ряд с концертами в лучших музыкальных залах Венеции.

– Невероятно, – произнес Захария, глядя в воду.

Слушая неумолчную болтовню гондольера, он заметил нечто, что очень заинтересовало его и от чего он никак не мог отвести взгляд: на углу канала за проросший в стене кустик зацепилось нечто непонятное. Когда они подплыли ближе, ему показалось, что это брошенная или потерянная дамская перчатка. Кружевная перчатка зеленого цвета… Они проплыли совсем рядом с ней и продолжили путь в сторону большего канала, гондольер продолжал трещать:

– Например, в Консерватории дельи Инкурабили есть первоклассные скрипачки и певицы, и эта школа нисколько не уступает церкви Санта-Мария делла Пьета, где долгое время преподавал наш старый рыжий аббат Антонио Вивальди и где сейчас играет прославленная скрипачка Кьяретта…

– Вы на удивление хорошо осведомлены о местной музыкальной жизни, – заметил Захария.

– Ничего странного. Мои пассажиры чаще всего требуют, чтобы я отвез их в оперу или на концерт. – После этих слов Себастьян тихо и очень красиво затянул какую-то мелодию. Сворачивая на перекрестке двух каналов, он добавил: – В одном из таких музыкальных сиротских домов учился пению и я. Как вы уже, вероятно, имели возможность убедиться, от нас, гондольеров, в соответствующей ситуации требуется умение петь… А научиться этому здесь нетрудно. Знаменитых музыкантов и музыкальных заведений в Венеции полно. Например, Мариетта из Сен-Лазаро деи Мендиканти, непревзойденная певица, Анна-Мария, чей смычок прославил Оспедалетто Санти-Джованни-э-Паоло, где живет и играет наша Анна Поцце, едва ли уступят музыкантам и певцам Консерватории дельи Инкурабили, куда мы направляемся…

Большой каменный зал консерватории встретил Захарию гулом и толпой великолепно одетых слушателей, среди которых была и Анна. Она повела и посадила его с краю, рядом с тем местом, которое было предназначено для музыкантов, а сама принялась прогуливаться в толпе. Так же вели себя и остальные. Когда все расселись, он спросил ее, что это за здание, где они находятся, – больница или концертный зал?

Анна улыбнулась и ответила:

– Не бойся, мой красавец, от музыкантш здесь еще никто не заразился. Целоваться с ними тебе не придется…

В ответ Захария высказал удивление, что на концерте нет Забетты, но получил ответ, что она непременно появится. Тут в зале раздались аплодисменты, и на сцену начали выходить музыканты. Последней появилась женщина со скрипкой в руках и в ответ на овацию поклонилась и махнула рукой Анне и Захарии, который с изумлением узнал в ней свою утреннюю гостью.

– Так это же Забетта! – шепнул он Анне.

– Разумеется, она первая скрипка Италии.

В этот момент Забетта приблизилась к ним, сняла с руки довольно большой каменный перстень и протянула его Захарии.

– Пусть пока побудет у вас, он мне мешает играть, – сказала она и добавила: – Берегите его, он бесценен и в то же время ничего не стоит.

Не успел Захария надеть его на большой палец, а исполнители уже заиграли «Времена года». Слушая Вивальди, он еще не знал, что каменный перстень останется на его руке, после того как по окончании концерта Забетта скажет, что она дарит его Захарии, потому что ей от него нет никакой пользы.

* * *

Перевалило за полночь, когда Анна и Захария вернулись домой и увидели перед входом гондолу. Они удивились, обнаружив в ней спящего Себастьяна, который показался Захарии очень бледным, что, правда, можно было объяснить сиянием лунного света. Вдруг Анна вскрикнула. Из зеленого дома вышел человек, закутанный в черный плащ. Его лицо закрывала пугающая маска с длинным клювом.

Анна узнала его. Это был, как шепнула она Захарии, от страха прижавшись к нему, венецианский cazzamorte – погонщик смерти, или же перевозчик мертвых. Он пропустил их, не говоря ни слова, потому что свое мрачное дело он уже сделал, и они влетели в зеленый дом, ступени которого были в крови. В комнате маэстро Джеремии, куда их направил один из жандармов, было несколько человек. Захария впервые увидел эту комнату, из которой к нему часто доносились голоса, музыка и звон часов. Здесь было два окна: одно, большое, смотрело на канал Чудес, маленькое – на канал Хризостомо. Большое окно было открыто. В комнате стояли чембало, два зеркала, стенные часы с рубинами вместо цифр, вращающаяся этажерка с книгами и стол, карнавальные маски были развешаны по стенам. Здесь же был карандашный рисунок, вид Венеции, Рио-деи-Мендиканти, судя по всему работы Каналетто, и несколько картин; один из углов занимал диван, обитый венецианским шелком, который кажется сладким на вкус. Пол был испачкан кровью.

В комнате находились *кимико* – специалист венецианской инквизиции по ядам (наследник в этой должности небезызвестного Казановы) и огромного роста устрашающий человек, хорошо известный каждому жителю города на лагуне, – священник верховного суда Венецианской республики Кристофоло Кристофоли. О нем говорили, что одно только его появление способно вселить ужас в любого храбреца.

Перед ними, развалившись в кресле, лежал маэстро Джеремия. Его руки были окровавлены, на полу у ног лежал разбитый бокал, который Захария сразу узнал и мысленно связал с гондольером, лежащим внизу в гондоле. Рядом с бокалом он рассмотрел и крохотный глиняный флакончик, который Захария видел впервые. Флакончик был без пробки и, судя по всему, пустой. На руке маэстро Джеремии был каменный перстень. Один из жандармов стоял согнувшись над стариком и совершал у самого рта маэстро странные движения. Захария с ужасом отметил, что перстень на руке маэстро Джеремии очень похож на тот, что подарила ему Забетта, он сейчас был на его большом пальце, поэтому тут же сунул руку в карман, чтобы никто не увидел подарка.

– Мертв со вчерашнего дня, – сказал жандарм, с трудом распрямляясь и потирая поясницу, которая у него явно болела.

Анна вскрикнула, а огромный священник повернулся к ней и успокаивающе положил свою тяжелую ладонь ей на затылок.

– Не плачьте, дитя мое, это не его кровь. Его никто не убивал. Сейчас мы узнаем, не отравился ли он.

Повинуясь знаку Кристофоли, кимико сказал:

– Можно утверждать, что он умер вчера около шести часов вечера, судя по тому, что у него на губах засохла пена. Чтобы затвердеть, ей и надо примерно столько времени.

Потом он опустился на колени возле ног покойника. Поднял глиняный флакон и понюхал его.

– Пусто. В нем была вода, – заключил он. – Вода. Судя по посуде, скорее всего та, что привозят из Турции.

После этого он собрал осколки стеклянного бокала и осмотрел их.

– Маэстро не отравлен. Из этого бокала никто не пил несколько месяцев. Он давно не соприкасался с влагой и весь в пыли… Момент!

Кимико повернулся к маэстро и внимательно осмотрел его руку с каменным перстнем. Потом отпустил ее и принялся разглядывать пальцы другой руки.

– Да, ясно, в чем дело, но не ясно почему.

– Что это значит? – спросил Кристофоло Кристофоли.

– Это значит, что маэстро Джеремия, упокой Господь его душу, перед смертью вытер пыль внутри бокала. Вот что он сделал. А зачем он это сделал, мы не знаем. Не знаем мы и того, почему и как он умер. Не знаем, почему в двери этой комнаты торчит вонзившаяся в нее стрела, не знаем, откуда столько крови на одежде маэстро, на флаконе и на бокале, хотя это не его кровь. Ее принес сюда кто-то на своих подошвах, по ступенькам…

После этого Кристофоло осторожно снял перстень с руки покойника, положил его в маленький кармашек своей сутаны и кончиком сапога приподнял левую ступню маэстро Джеремии. Подошва была вся в засохшей крови.

– Вечный покой его душе, – заключил Кристофоло. – Пошли скорее к гондольеру, упокой Господь и его душу.

Жандармы вместе со священником торопливо спустились по ступенькам.

Когда все утихло и в гондоле вместе с покойным Себастьяном увезли и тело маэстро, Захария отвел Анну в комнату нижнего этажа, где она иногда ночевала. Прощаясь, сказал ей:

– Я знаю, кто убил гондольера и почему.

– Думаешь, из-за бокала? – к изумлению Захарии, спросила Анна. – Не знаю… не уверена. Бокал принадлежал Джеремии. Он купил его у Себастьяна и заплатил ему ровно столько, сколько тот потребовал, но Себастьян не отдал ему бокал и начал шантажировать, грозя отдать бокал кому-то другому, если Джеремия не добавит денег. И таким образом постоянно тянул деньги из маэстро. Тот был в отчаянии. Бокал был ему дороже любых денег. Он был бесценен и в то же время почти ничего не стоил.

Как и мой новый каменный перстень, подумал Захария и отправился к себе в комнату.

Уже в дверях он услышал за спиной голос Анны:

– Все это не важно. Единственная загадка – это почему и как умер Джеремия. Вот о чем стоит подумать сегодня вечером… Хотя сдается мне, я знаю, как умер мой маэстро.

Захария подошел к окну, которое из его шкафа смотрело на канал Чудес, и глянул на воду. Надвигалась непогода, ветер снова топил птиц в море, и Захария подумал о ветрах своей родины, ему даже удалось в воспоминаниях оживить их вкус и запах: снега и тоски… И показалось, что он слышит серебристый перезвон церковных колоколов, который запомнился ему с тех дней, когда он услышал его впервые, в Венгрии, проплывая по Дунаю мимо города Сен-

тандреи. Колокола с колокольни церкви Святого иконописца Луки звонили все время, пока он верхом ехал по дороге в Будим, их звук таился в глубинах его памяти с тех пор и до сегодняшнего вечера… Очнувшись от воспоминаний, он сфокусировал рассеянный взгляд. На мрачных волнах канала Чудес ясно виднелся светлый квадрат, похожий на трепещущее на ветру знамя, – отражение освещенного окна комнаты Анны в нижнем этаже. Захария стоял неподвижно и смотрел. Его рот наполнился жидкостью, но это была не слюна, а что-то вроде горького пота. Когда свет в нижней комнате погас, он взял перо, обмакнул его в чернила и со свечой тихо вышел в коридор и неслышными шагами прошел в комнату маэстро. На столе нашел осколки разбитого бокала и переписал с их дна волшебный стих:

atto'tseuq ehc ero'uqnic ertlo uip rei

Потом собрал стеклянные осколки и выбросил их в канал. Вернулся к себе в постель, забыв погасить свечу. Погружаясь в сон, он почувствовал, что допустил какую-то ошибку. Такие озарения часто бывают в промежутке между явью и сном. И он понял. Но изменить что-нибудь было уже невозможно. Все, что осталось от бокала, покоилось на дне канала Чудес. Гондольер говорил ему, что стих нужно читать не заглядывая в бокал, а иначе. Но как иначе? Он ломал себе голову, и вдруг его осенило. Может быть, он сумеет все исправить, хотя бокал безвозвратно утрачен. В его распоряжении есть записанный стих, о котором гондольер сказал, что читать его следует иначе, а это означает – глядя на внешнюю сторону бокала. Он встал и поднес клочок бумаги с переписанным со дна бокала стихом к зеркальцу на ручке своего колокольчика. Так буквы предстали перед ним в обратной последовательности. Прочитанные по-новому, они звучали так:

ier piu oltre cinqu'ore che quest'otta

Теперь слова что-то значили, они были итальянскими, но их смысл оставался Захарии непонятным.

Наутро Захария обнаружил, что в светильнике осталось еще много масла, и это означало, что ночью он не горел. Кто-то, кто не забывал ни о чем, что творится в зеленом доме, незаметно зашел в комнату к Захарии и вовремя задул фитиль.

4. Дьявольские трели

– Знаете ли вы, дорогой кир Сакариас, сколько на нашем белом свете имеется видов писателей? Не знаете? Разумеется, не знаете, ведь вы же и сами писатель. Poli kalo![3] Но я, слава Богу на небесах и святому Иоанну Хризостомо, не писатель, а издатель, и я знаю. Я не могу этого не знать. Два вида. Вы меня слышите? Всего два вида. Одни чувствуют вкус читателей и угождают ему, не заботясь о том, какими будут их книги. Вторые хотят изменить мир и литературу и делают это без оглядки на читательский вкус и интересы своего издателя. Э-э, наш дорогой господин консул Юлинац не таков, другая порода. Его обожает русский императорский двор, но поэтому к нему неблагосклонна венская цензура, дорогой мой господин. Знаете ли вы, что это значит? Не знаете? Это значит, что мы не получили разрешения на его книгу с трудным названием, в которой описана сербская история. Венская цензура не позволила печатать книгу Юлинца и потребовала изменить целый авторский лист, и вы, как корректор этой книги, естественно, знаете, какие страницы, почему и как следует изменить на основе замечаний цензора. И хорошо понимаете, что последует, если мы ослушаемся. Мы не сможем продавать эту книгу на австрийском рынке вашим соплеменникам, живущим в империи сербам. А кто ее в таком случае будет покупать? Никто. Из этого следует, что мы понесем убытки и не сумеем вернуть вложенные в издание собственные деньги. То есть мои деньги. Поэтому, дорогой кир Сакариас, изымите из книги Юлинца нужные страницы и переделайте их! Причем таким образом, чтобы довольными остались и цензор в Вене, и русский майор Юлинац в Неаполе, и, что самое главное, ваши земляки, наши читатели и, следовательно, наши покупатели!

[3] Прекрасно (*греч.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.